

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ (ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ)

ПСИХИЧЕСКАЯ РИГИДНОСТЬ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ СТЕПЕНИ ОТКРЫТОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ)

Э.В. Галажинский (Томск)

Аннотация. Обсуждается вопрос об отношении теории психологических систем (В.Е. Ключко) и общей теории ригидности (фиксированных форм поведения Г.В. Залевского) в контексте проблемы самореализации личности. Психическая ригидность-флексibilität рассматривается как интегральный показатель степени открытости психологических систем. В этой связи затрагиваются вопросы «диалектики изменения, развития и сохранения индивида», «ригидности и установки», «ригидности и устойчивости» систем.

Ключевые слова: психическая ригидность, флексibilität, психологическая система, самоактуализация, установка, общесистемное свойство, жизнедеятельность человека.

Общепринято, что детерминизм и научное объяснение явлений внутренне взаимосвязаны. «Объяснить явление – значит вскрыть ту систему детерминации, следствием которой оно является» [7. С. 96]. Тридцать лет назад подобная дефиниция могла бы обсуждаться, но в целом была бы принята как вполне самодостаточная. Современное научное мышление полагает, что полнота объяснения будет достигнута в том случае, если само явление будет понято как система и, одновременно, как элемент вышестоящей системы. Применительно к нашему случаю это означает, что самореализация личности может быть объяснена, если будет вскрыта система детерминантов, ее обуславливающих. С другой стороны, задача «вскрыть систему детерминантов», обуславливающих явление, вовсе не эквивалентна задаче «вскрыть системный характер явления и объяснить его как эффект системной детерминации».

Самореализация личности – явление общесистемного порядка, и для ее объяснения совершенно недостаточно вскрыть соответствующую систему разноразмерных детерминантов, показывая среди прочих и уровень ригидности в качестве одного из таких детерминантов. Как явление общесистемного порядка, т.е. входящее в число условий, которые обеспечивают саму возможность существования системы, самореализация является эффектом системной детерминации. Следовательно, для того чтобы говорить о ригидности как одном из оснований (непричинной) детерминации самореализации личности, необходимо прежде всего выявить признаки ригидности как системного образования – релевантного всей психологической системе. Ведь самореализация, как мы попытались показать в предыдущих публикациях, проявляется в разных аспектах и может изучаться и как качество самоактуализирующейся личности, и как особая потребность, и как деятельность (по самореализации), и как процесс, но за всем этим стоит исходное свойство человека быть открытой самоорганизующейся психологической системой.

Предполагается, что сущность ригидности как общесистемного свойства заключается в том, что она является собой интегральный, наиболее общий показатель степени открытости психологической системы. Иными словами, чем выше ригидность, тем в большей степени блокируются каналы выхода во внешнюю среду, тем сильнее игнорируются возможности самореализации, которые открываются во взаимодействии человека со средой, тем вероятнее появление поведенческих и других стереотипов в неадекватных для них условиях (ФФП – «фиксированные формы поведения» – по Г.В. Залевскому [6]).

В свете вышесказанного становится понятным, почему проблема ригидности актуализируется при смене образа жизни, в частности при смене сложившихся жизненных стереотипов в процессах миграции, требующих адаптации к изменившимся климатогеографическим, социально-производственным и социально-психологическим условиям [12]. Люди не только выстраивают определенный образ жизни и придерживаются его, но иногда вынужденно, а часто произвольно меняют его – если в рамках сложившегося образа жизни самореализация становится невозможной или малоэффективной.

В рамках своей концепции жизнедеятельности человека как задачи, которую всю жизнь решает личность, К.А. Абульханова-Славская выделяет тех индивидов, которые изо дня в день «эмпирически» воспроизводят и повторяют необходимые для поддержания жизни действия и выполняют несложные обязанности, и других, которые сами организуют свою жизнь, направляют течение событий и оказывают воздействие на них [1]. Ясно, что смена образа жизни для одних будет означать потерю жизненных стереотипов, воспроизведение которых превратилось в смысл бытия, а для других может стать условием, расширяющим жизненное пространство, которое в этом случае выступает как ими же организованное и необходимое для самореализации и саморазвития. В первом случае заявит о себе проблема ри-

гидности, во втором проявится проблема гибкости, но обе эти проблемы представляют собой только крайние полюса одного континуума. Существует общесистемное качество, характеризующее одновременно как степень открытости системы в мир, навстречу изменениям, обеспечивающим прирост возможностей – детерминант последующего самодвижения, так и степень устойчивости системы, вынужденной сохранять свою качественную специфику в потоке изменений, которые обеспечивает сам факт открытости этой системы. Можно полагать, что континуум «ригидность–гибкость» (убывание одного означает прирост другого) и является показателем этого качества. В конечном счете открытость системы является гарантом ее устойчивости – гиперустойчивости, проявляющаяся в фиксированных формах поведения, столь же опасна, как и гипероткрытость, неминуемо приводящая к патологии другого типа – различным формам «полевого поведения», блужданию в пространстве возможностей, ни одна из которых так и не будет реализована в полной мере.

Жизнь действительно является непрерывным и целостным процессом, хотя для человека она и может выступать как последовательность отдельных событий, внешне не связанных единой линией, задаваемой образом жизни и способностью человека этот образ менять. А.К. Абульханова-Славская отмечает, что кроме диалектики прерывности и непрерывности в жизнедеятельности человека можно выделить и диалектику сохранения и изменения (и индивида, и его жизни) и развития. «Необходимо выявить, изменяется или остается неизменным индивид при условии существенных изменений обстоятельств его жизнедеятельности, происходящих независимо от него, и как он изменяется, изменяя обстоятельства своей жизни» [1. С. 68–69]. Далее, полагает автор, необходимо раскрыть, как индивид воспроизводится в единстве с условиями его жизни не зависящим от него образом и в то же время сам осуществляет воспроизведение (действует, думает, чувствует сам и одновременно думает, чувствует и т.д. не самостоятельно). Иными словами, все эти линии изменения и развития должны быть, в свою очередь, раскрыты как различия способов воспроизводства жизни.

Соглашаясь с этим, хотим отметить, что воспроизводство жизни, предполагающее диалектику изменения и сохранения, должно опираться на конкретные психологические механизмы, способные эту диалектику обеспечить. Трудно представить, чтобы за изменение отвечали одни психологические конструкты, а за устойчивость – другие. Тенденция к изменению может быть преобладающей по сравнению с тенденцией к сохранению (и наоборот), но на уровне конкретного человека обе тенденции представлены одной, характеризующей его как целостную систему со своей мерой открытости и устойчивости. Поэтому мы склоняемся к представлению о ригидности как общесистемном свойстве, детерминирующем личностную самореализацию как процесс,

в котором осуществляется перевод открывающихся возможностей в реальность.

Именно общесистемный характер ригидности–гибкости отражает тот факт, что в разных научных школах, использующих разные методологические принципы и подходы, изучающих различные психологические реалии и даже уровни функционирования и проявления психического, неизбежно выделяются понятия, призванные зафиксировать наличие механизмов, обеспечивающих тенденцию к сохранению и изменению. Г.В. Залевский указывает на то, что как синонимы ригидности и/или гибкости употребляются такие термины, как инертность, тугоподвижность, неповоротливость, стереотипия, персеверация, торпидность, вязкость, косность, фиксированность, фиксация, персистенция, догматизм, консерватизм, этноцентризм, упрямство, подвижность, динамичность, лабильность, пластичность, эластичность, гибкость, вариативность, переключаемость, беглость, адаптивность, механизированность, функциональная фиксированность, тормозимость, фиксированная установка, *set*, *Einstellung* и др. [6]. В этом «категориальном болоте» можно увязнуть, но можно и выбраться из него, если увидеть за всем этим общее свойство открытых самоорганизующихся психологических систем, имеющее свое конкретное выражение на разных уровнях ее организации, которые выделяют исследователи в качестве предмета психологического исследования. «Я вообще склоняюсь к мысли, – пишет Г.В. Залевский, – что человеческая активность на уровне индивидуальных и групповых систем представляет собой органическое сочетание ФФП и не-ФФП. Это, если хотите, как день и ночь. Вся наша жизнь является и проявляется в этих двух видах активности» [6. С. 39].

Представление о едином и общесистемном характере механизма, обеспечивающего сохранение и изменение, устойчивость и подвижность, степень открытости–закрытости системы, не противоречит идее о существовании различных способов воспроизводства жизни, дифференциация которых может привести к типологии личностей по указанному критерию «открытости–закрытости». Более того, только имея в виду общесистемный характер этого механизма, можно говорить об индивидуальных его проявлениях на уровне типов личности. Иначе мы вообще не приходим ни к какой типологии.

Поэтому, в частности, мы согласны с К.А. Абульхановой-Славской в том, что возможен такой «способ жизни», когда наблюдается тесная «вплетенность» личности в «контекст» жизненных событий, ситуаций, дел, при которой индивид не самоопределяется по отношению к ним, хотя и живет вполне определенным, характерным именно для него образом [1]. Возможен и второй способ, когда индивид сам воспроизводит и в известных пределах «предопределяет» логику своей жизни. По этому поводу можно сказать, что самореализация предполагает самоопределение, опирающееся на личностную

рефлексию. Но с чем мы не вполне согласны, так это с представлением о том, что существуют различные «способы соединения индивида с обстоятельствами его жизни». Получается, что есть индивид, есть объективно существующие обстоятельства его жизни и есть способ, которым они связаны. Только в научной абстракции можно оторвать индивида от обстоятельств, в которых проходит его жизнь, но и в этом случае все равно придется искать «концептуальный мост» (например, принцип «субъекта деятельности»), способный соединить разорванное единство. Человек, опираясь на собственные рефлексивные возможности, способен оценить обстоятельства жизни и собственную жизнедеятельность, свой образ жизни и стать в позицию субъекта активной коррекции того и другого, но именно это потребует от него колоссальных усилий и энергии, активности. Поэтому и потребует, что в естественном состоянии все это является различными проявлениями единого – самоорганизующейся открытой психологической системы.

Более того, ригидность, с нашей точки зрения, и является тем общесистемным свойством, которое может не только блокировать выход человека за пределы устоявшихся поведенческих схем, но и за пределы жизненных обстоятельств, деятельность в которых предполагает трансформацию фиксированных форм поведения. Она, тем самым, может блокировать и сам вывод в сознание определенных жизненных обстоятельств, которые связаны с неудачами реализации в них стереотипов, сложившихся в других обстоятельствах, а кроме того, блокировать в сознании и те обстоятельства, которые связаны с открывающимися возможностями выхода за пределы требований ситуации – туда, где наиболее явно заявляет о себе самореализация.

Таким образом, связь индивида с его собственным существованием – это проблема жизненного самоопределения, трансформирующаяся в проблему активного формирования человеком того, что определяют понятием «жизненная среда», в которой личность слита с объективными обстоятельствами ее бытия (К. Левин). Далее, это проблема рефлексии как способности человека объективировать в сознании свою жизнь, собственное существование в самом собой созданной среде, жизненных обстоятельствах. Еще глубже, это проблема тех механизмов, которые обеспечивают избирательную работу сознания, саму возможность рефлексии – как условия самоопределения (и самореализации) личности. На этом уровне собственно и возникает проблема ригидности–флексibilityности как того, с чем связаны блокада (или разблокирование) сознания, его избирательный характер. Поэтому искомый континуум (ригидность–флексibilityность) интерпретируется нами как общесистемный конструкт – будучи самым глубоким и основополагающим (по отношению к другим психологическим феноменам), он оказывается и самой общей характеристикой меры открытости системы, показателем ее самоорганизации, проявлением которой, как мы настаиваем, и является самореализация.

Обозначая связь ригидности с избирательностью сознания, мы тем самым касаемся самого главного вопроса психологии – вопроса о функции сознания. Следует согласиться с Л.С. Выготским в том, что психика есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль – не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущения), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно искажать действительность в пользу организма [3. С. 347]; в этом случае ригидность окзывается тем, что обеспечивает едва ли не самую главную функцию сознания – его избирательность. Она имеет прямое отношение к ячейкам того решета, с помощью которого человек «процеживает мир», обеспечивая этим саму возможность действовать в нем. В теории психологических систем (ТПС) многомерный мир человека понимается как особая психологическая реальность, системное образование, конституирующее собой единство объективного субъективного, которое, говоря словами Л.С. Выготского, представляет собой «субъективно искаженную (в пользу организма) действительность». Каким же образом ригидность–флексibilityность оказывается соотносимой с этой психологической реальностью?

Конструируя психологическую реальность, человек действует как существо, наделенное личным опытом, проецирующим его в объективную реальность как один из важнейших компонентов собственной субъективности. Ригидность на самом деле указывает на соотношение смысла и ценности того, что включает в себя личная ситуация с имеющимся опытом поведения в аналогичных (или близких, более или менее соответствующих) ситуациях, встречавшихся в прошлом. Без такого допущения необходимым образом возникает разрыв между ценностными и смысловыми координатами многомерного мира человека и тем, как человек осознает ценность и смысл собственных действий в нем.

Автоматически подсоединяющийся к оценке всей актуальной ситуации и ее отдельных составляющих (настоящее системы) опыт поведения (прошлое) не может вывести систему за пределы устоявшихся схем поведения (будущее). Еще сложнее представить опыт, который реализуется в настоящем, будучи вовсе оторванным от актуальных смыслов и ценностей того, что составляет текущие «жизненные обстоятельства». Нужен механизм связи оценки и действия, предметов, имеющих личностный смысл, и поведения, которое только в связи с этим смысл обретает. Тенденция действовать без смысла есть явление столь же патологическое, как и смыслы, к которым не подсоединяется какая-либо тенденция действовать в виде готовности реализовать, хотя бы и модифицируя, имеющийся опыт. И поскольку психопатология чаще всего с этими крайностями и встречается, проблема психологической ригидности и выступила изначально как проблема психиатрической практики. Иными словами, в случаях относительной нормы проблема ри-

гидности «прячется» от исследователя в совокупности бессознательных или частично осознаваемых психологических реалий.

Именно поэтому, как нам кажется, прав Г.В. Залевский, указывая на тот факт, что в психологии устоялись представления о психической ригидности как преимущественно неблагоприятном факторе, лежащем в основе этиологии и патогенеза нервно-психических расстройств [Личко А.Е., 1977; White, 1964; Breed, 1973; Shapiro, 1981], в патофизиологии клинической картины [Морозов В.М., 1963; Шмакова Л.Н., 1963; Бжалава И.Т., 1963; Леонгард К., 1981; Семке В.Я. 1983; Petrilowitsch, 1967; McGlashen, 1976; Richtberg, 1976] в прогнозе [Лакосина Н.Д., 1970; Пантелеева Г.П., Беляев Б.С., 1984; Орлова В.А., 1984; Судаков В.Н., 1987], в терапии и реабилитации [Зейгарник Б.В., Кабатченко Т.С., 1974; Карвасарский Б.Д. и др.] (см. [6]).

Итак, в норме ригидность указывает на соотношение между смыслами и ценностями актуальной ситуации (и ее отдельных составляющих) и субъективным опытом человека, действующего в ней, характеризуя качество этой связи.

Если согласиться с тем, что эмоции отражают смысл и ценность явлений и целостных ситуаций, а это одно из главных положений теории психологических систем [9–11], то придется согласиться и с тем, что отбор схем поведения из опыта должен опосредоваться эмоциями, через которые и осуществляется внутрисистемная связь предметов, имеющих актуальный смысл и ценность, с соответствующим им (в большей или меньшей степени) опытом поведения. Для такого утверждения имеются все основания. В частности, в рамках ТПС показано, что по отношению к человеку, понимаемому как самоорганизующаяся система, разделение эмоциональной и установочной активности теряет смысл, поскольку та и другая есть только проявление единого механизма, обеспечивающего устойчивость и подвижность, избирательность и направленность деятельности. Этот механизм был выделен в экспериментах, а единый эмоционально-установочный комплекс – «эмос» (там же). Считается, что эмоции при этом выполняют и основную функцию системообразования, удерживая систему от распада. И когда сознание отделяет Я от не-Я, эмоции продолжают удерживать их единство. Таким образом, в норме эмоции не искажают действительность, привнося в нее субъективность. Они нейтрализуют осевшую на предметах субъективность, обеспечивая реалистичность бытия. Когда же эмоции не могут выполнить свою функцию, происходит распад психологических систем. С такими системами имеют дело психотерапевты, но всегда при этом они сталкиваются с эмоциональными нарушениями.

Сущность вопроса заключается в том, что, рождаясь практически лишенным родового опыта, что означает еще и свободным от него – ради подлинной свободы в будущем, человек обретает собственный опыт. Свобода

от родового опыта – гарантия прижизненной личностной свободы. Интересно, почему в психологии практически упускаются вопросы о том, каким образом актуальная, совершающаяся здесь и сейчас деятельность (поведение) превращается в опыт, уходит в прошлое, способное детерминировать будущее. Ясно, что возможны ситуации, тождественные тем, которые уже встречались. Но эта тождественность весьма условна даже в плане совпадения списка объективных условий, в которых поведение осуществлялось в прошлом и осуществляется сейчас – в актуальном настоящем. Совершенно немыслимо полное совпадение психологических ситуаций – в актуальном настоящем действует совершенно другой человек. И не просто потому другой, что чем-то у него отличаются мотивы, цели и оценки ситуации – прошлой и актуальной. Прежде всего, в любой актуальной ситуации действует человек, обремененный опытом действия, готовый действовать в соответствующих ситуациях. Другое дело, что ситуация должна быть опознана как соответствующая, притом что она никогда не может быть полностью соответствующей той, что уже встречалась.

Несколько обобщений можно сделать из этих рассуждений. Опыт должен существовать в форме готовности реализовать сложившуюся ранее схему деятельности (поведения), не превращая каждую текущую ситуацию в проблемную, т.е. не превращая жизнедеятельность в постоянное решение совокупности сменяющих друг друга новых задач. Однако в опыте фиксируется не просто схема поведения, а целостная психологическая ситуация, включающая в себя и схемы поведения, но кроме них еще и все остальное (ценности, смыслы, оценки, планы, конечные и промежуточные цели и т.д.), т.е. все то, что для краткости можно обозначить понятием «психологическая реальность». И этот факт необходимо признать, поскольку форма поведения (схема) сама не может опознать себя в новых условиях и утвердиться как необходимость действовать здесь и сейчас определенным образом. В условиях новой психологической реальности опознает себя «окаменевшая» психологическая реальность. Не «психическая окаменелость» (как Л.С. Выготский определял установленную деятельность, уходящую в опыт), но именно психологическая реальность, вбирающая в себя, помимо прочего, и ценностно-смысловые составляющие мира человека. Они, в соответствии с теорией психологических систем [9, 10], определяют саму возможность превращения безразмерной и бесконечной, в себе и для себя существующей «объективной реальности» в пространство, в котором (здесь и сейчас) осуществляется движение жизни конкретного человека.

Таким образом, психологическая реальность является тем, что определяет особенности разворачивания во времени динамики человеческой жизни, только частью которой является динамика психических процессов, свойств и состояний. В ней хранятся и постоянно порождаются те факторы, которые будут выступать параметрами, в опоре на которые осуществляется опознавание

ние пригодности схем поведения, хранящихся в личном опыте человека. Без таких параметров возможно только реактивное поведение. Природа биполярного конструкта «ригидность–флексibilität» может быть объяснена как результат проекции «окаменевшей» психологической реальности в актуальную психологическую реальность, притом что такое проектирование имеет свои индивидуальные особенности, которые и охватывает понятие «ригидность». Сама же фиксированная форма поведения может быть понята как ошибка в опознавании тех параметров реальной психологической ситуации, которые служат ориентирами включения «окаменевших» поведенческих схем в актуальное, здесь и сейчас разворачивающееся поведение.

Таковыми ориентирами служат значения, смыслы и ценности, т.е. именно то, что в соответствии с логикой ТПС обеспечивает человеку предметность, реальность и действительность его бытия. Действительно, если понять человека как особую пространственно-временную организацию, превращающую «объективную реальность» (мир до человека, без человека) в наполненный цветом и звуками, категоризированный значениями *предметный мир*, являющийся основанием предметного сознания, то поведение человека в предметном мире оказывается зависимым от значений. Предметы (комплексы ощущений, соединенные со значениями) [3], с которыми связаны определенные схемы поведения, могут инициировать, запускать эти схемы («побудительная сила предметов» известна еще от К. Левина).

Если самопроизвольно (мимовольно) актуализируется возможность действовать с предметом определенным образом (реализовать схему, с ним связанную), оторванная от актуальных потребностей, которые задают в каждый момент логику поведения, или даже противоречащая этой логике, то возникает классическая модель «выхода субъекта за пределы требований ситуации». Такая модель может стать объяснением как зарождения актов самореализации (переход возможности в действительность), так и сугубо фиксированного поведения, когда предмет почти рефлекторно вызывает стереотипное действие по отношению к нему (типа персевераций), не обусловленное никакой потребностью. Все зависит от того смысла и ценности, которые стоят как за этими предметами, так и за действиями, направленными на них. Решающими являются мотивы (с ними связаны смыслы) и цели, в которых они конкретизируются.

Наличие ценностно-смысловых измерений превращает субъект-объектную реальность в *действительность* – расширяющееся, устойчивое (благодаря ценностным координатам) пространство для жизни и развития (как способа сохранения жизни и ее осуществления). Ценностные координаты мира человека делают его соизмеримым с другими людьми, с самим собой завтрашним, еще не ставшим, еще только возможным, полагающим открывающуюся для него действительность пространством для развития, т.е. жизни.

Несколько неожиданное подтверждение изложенных взглядов было получено в рамках нового направления психологии (правда, имеющего и достаточно устоявшиеся основания) – психологии социального познания. Как замечает Г.М. Андреева, если учитывать тот факт, что человек реально существует в построенном, сконструированном мире, то «нельзя исключить и его эмоциональное освоение, так же как игнорировать и другие психические процессы, например мотивацию» [2. С. 19]. Автор полагает, что из всех элементов этого ряда в социально-познавательной ситуации сегодня наиболее полно исследованы два: роль социальных установок и феномен перцептивной защиты. Через анализ социальных установок в психологии социального познания решаются две важнейшие проблемы, с которыми встретился «чисто» когнитивный подход: включение эмоций в познавательный процесс и связь познания с поведением. Аттitudes направляют поиск социальной информации (гипотеза «селективной экспозиции информации»): субъект демонстрирует избирательный отбор информации в зависимости от совокупности имеющихся у него аттитюдов. Здесь возможны два случая: информация отбирается или при наличии очень сильного, или, напротив, очень слабого аттитюда на объект. Этот феномен был обозначен как биполярный способ подбора «аттитюдно-релевантной» информации: индивид запоминает, фиксирует либо про-, либо контр-аттитюдную информацию, но пропускает нейтральную. Это же относится и к воспроизведению информации в нужный момент. Невозможно переоценить сам факт признания того, что «именно через установки в социальное познание включается эмоциональный компонент, что зафиксировано также в исследованиях роли настроения при познании социальных объектов» [2. С. 19].

На близость понятий «ригидность» и «установка» указывает Г.В. Залевский. За установками изначально была закреплена их связь с устойчивостью. Признавая самостоятельность и независимость ригидности и устойчивости, автор полагает правильным мнение, что гипертрофированная устойчивость может трансформироваться в ригидность. Если учесть мнение Н.Л. Эпианов [13. С. 312], что «установка субъекта – его настроенность, его определенная ориентированность иногда становится ригидной, слишком устойчивой и трудно преодолимой», то можно сделать вывод, что ригидность все-таки нельзя сводить к установкам – она является феноменом более глобальным, который установки только проявляют, хотя понять это можно только тогда, когда установки становятся «слишком устойчивыми и трудно преодолимыми».

Поэтому стоит более внимательно рассмотреть ФФП, ригидность вообще, в контексте открытости человека в мир, реализующего себя во взаимодействии с ним. Это значит также, что предметом теоретического исследования в данном случае является не замкнутое на себя психическое (субъективное), которое что-то определяет

во взаимоотношениях человека с миром, но тот пограничный слой между внутренним и внешним, в котором эти противоположности становятся неразличимыми. Из этого слоя, как нам кажется, и вырастают поступки людей, их упорядоченные совокупности – целостное пове-

дение. Смеем думать, что такое понимание не только не противоречит духу теории психологических систем В.Е. Ключко, и общей теории ригидности Г.В. Залевского, но и отвечает внутренней логике этих двух теорий и тенденциям их развития.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Диалектика человеческой жизни. М., 1977.
2. Андреева Г.М. К проблематике психологии социального познания // Мир психологии. 1999. № 3.
3. Выготский Л.С., Собр. соч. Т. 1. М., 1982.
4. Галажинский Э.В. Самореализация личности – возможные направления исследований // Сибирский психологический журнал. 1999. № 10.
5. Галажинский Э.В. Самореализация личности: взгляд с позиции психистории // Сибирский психологический журнал. 1999. № 11.
6. Залевский Г.В. Психическая ригидность в норме и патологии. Томск, 1993.
7. Иванов В.Г. Детерминизм в философии и физике. Л., 1974.
8. Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности. Автореф. ...дис. д-ра психол. наук. М., 1991.
9. Ключко В.Е. Человек как психологическая система // Сибирский психологический журнал. Томск, 1996. Вып. 2.
10. Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. Томск, 1998. Вып. 8.
11. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
12. Семке В.Я., Судаков В.Н., Залевский Г.В. и др. Клиническая систематика, принципы ранней диагностики и психопрофилактики состояний психоэмоционального напряжения: Методические рекомендации. Томск, 1988.
13. Элиава Н.Л. Мыслительная деятельность и установка // Исследования мышления в советской психологии. М., 1966.

MENTAL RIGIDITY AS AN INTEGRAL INDEX OF THE EXTENT OF THE OPENNESS OF PSYCHOLOGICAL SYSTEM (IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF SELF-REALISATION OF THE PERSONALITY)

E.V. Galashinsky (Tomsk)

Summary. The question about relation of theory of psychological systems (B.E. Klochko) and general theory of rigidity (fixed forms of behaviour) by G.V. Salevsky in a context of the problem of self-realisation of the personality is discussed. Mental rigidity-flexibility is considered as an integral index of the extent of the openness of psychological systems. Questions of 'dialectics of change, development and preservation of the individual', 'rigidity and aim', 'rigidity and stability' of systems in this connection are mentioned.

Key words: mental rigidity, flexibility, psychological system, self-actualisation, aim, generally systemic property, life activity of the person.